

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В моей новой квартире гудят трубы.

И это не тот вид гудения, при котором трубы слегка поскрипывают, после того как внутри скопилось немного ржавчины. Это звук, напоминающий крик банши, от которого у меня практически лопаются барабанные перепонки, заставляя меня выронить полную коробку туалетных принадлежностей, которые разлетаются по всему полу ванной комнаты.

— *Кара!* — кричу я своей лучшей подруге, что перетаскает коробки в гостиную нашей новой арендованной квартиры. Я чувствовала, что это место слишком хорошее, чтобы быть правдой, особенно учитывая ту арендную плату, которую назвала Кара, и столь удачное расположение — всего в двух шагах от кампуса.

Кара заглядывает в ванную, чтобы посмотреть, что за шум.

— Что? — Она невинно моргает.

— Ты обещала, — огрызаюсь я. — Обещала, что в этот раз все будет иначе.

— Так и есть!

— Совсем нет. Трубы издают странные звуки.

— Ой, да ладно тебе! Трубы вечно шумят.

Кара отмахивается от меня рукой. Я следую за ней по пятам из ванной.

— Неужели? Потому что я, насколько мне известно, не подписывала договор аренды на квартиру, внутри системы водоснабжения которой поселился демон.

— Ох, да брось, Алекс. Не будь такой мелодраматичной, — говорит она и передает мне коробку с надписью «Кастрюли, сковородки и прочее барахло». — Вот, отнеси на кухню.

Я выхватываю у нее коробку, недовольно скривив губы. Кара — моя лучшая подруга со времен старшей школы, и, хотя я люблю ее, как свою давно потерянную сестру, мы с Карой во многом отличаемся. Кара — весьма беззаботный человек, никогда не задумывающийся над мелочами жизни, девушка, живущая настоящим моментом, в то время как я предпочитаю разложить все по полочкам, не упустив ни единой детали.

Но я благодарна за то, что Кара не против иметь дело с этой стороной меня. Я люблю ее до чертиков. Когда мы только поступили на первый курс, мы очень расстроились, узнав, что не сможем быть соседями по комнате, поэтому в этом году решили арендовать на двоих квартиру, чтобы больше не разлучаться. Но я, естественно, совершила абсолютную, глупую ошибку, доверив Каре поиск квартиры. «*Что может пойти не так?*» — задалась я тогда вопросом.

Знаменитые последние слова, прежде чем все пойдет наперекосяк.

— Дело не только в трубах, Кара. Углы на потолке покрыты плесенью, — указываю я. — И я практически уверена, что один из светильников в моей спальне перегорел. Ты хоть осматривала квартиру перед тем, как сказать мне, что *именно* здесь мы будем жить весь второй курс?

— Конечно. Изначально все казалось нормальным, — настаивает Кара. Она бросает коробку, которую держала в руках, и неторопливо входит на кухню, проводя пальцами по своим светло-рыжим волосам.

Даже после нескольких часов перетаскивания вещей по квартире она все еще выглядит восхитительно, даже

прическа не растрепалась. Кара проводит большим пальцем по своим надутым губам.

— Ты права, извини. Возможно, я действительно только посмотрела несколько фотографий на «Зиллоу»¹ и сразу решила оформить аренду.

— Кара!

— Ну прости, — хнычет она и обхватывает меня своими руками, пытаясь унять мое раздражение. — Я была так счастлива. Мы впервые будем жить вместе! То есть, когда мы в последний раз ночевали в комнатах друг друга? Я почти не видела тебя на первом курсе.

Я нахмурилась, столкнувшись с горькой правдой.

В прошлом году я и в самом деле была не такой уж хорошей подругой. Я большую часть года провела, запершись в своей комнате, как можно усерднее готовясь к лекциям и экзаменам. Я горжусь тем, что сдала все тесты и стала одной из лучших студентов на своем потоке, но часть меня понимала, что из-за этого пришлось пропустить все типичные для студента развлечения, которые я, вероятно, была обязана испытать. Вечеринки, похмелье, секс. Моих родителей это, наверное, порадует, но я, стыдно признаться, опыта в этих трех дисциплинах практически не имею.

Может быть, это мой год, чтобы наверстать упущенное. Если наберусь храбрости, конечно же.

— Знаю. И попытаюсь это изменить, ладно? — Крепко сжимаю ее руки в своих ладонях. — Я обещаю быть лучшей подругой, чем когда-либо.

— Я просто хочу, чтобы у тебя была насыщенная студенческая жизнь. — Кара нежно треплет меня за щеки, прежде чем отпустить. Она засовывает руку в карман джинсов и достает помятый флаер. — И я знаю, с чего мы начнем. — Она многозначительно шевелит бровями. — Какая-то девушка раздавала это в холле, и мне кажется, что мы обязаны туда пойти. Судя по

¹ Американская онлайн-платформа в сфере недвижимости. — *Здесь и далее прим. пер.*

всему, некий старшекурсник только что перевелся из Мадридского университета и устраивает безумно грандиозную вечеринку. Выпивки, очевидно, будет достаточно, чтобы вся толпа страдала от похмелья и тошноты всю следующую неделю.

— Звучит восхитительно, — отвечаю я с фальшивым весельем в голосе.

Кара бросает на меня многозначительный взгляд.

— Ты обещала быть открытой всему новому в этом году.

— Окей, ладно. Если хочешь пойти, я присоединюсь к тебе, — уступаю я, выхватывая у нее флаер и просматривая его содержимое.

Здесь нет ничего такого, что поведало бы о том, кто именно устраивает вечеринку. Но стоит мне прочесть строчку «Горячие девушки приветствуются!!!», как я громко фыркаю. Ясненько, у нас тут очередной печально известный вид под названием «парень-трахающий-все-подряд».

— Кто вообще этот парень? Да и кто переводится в другой колледж на последнем курсе?

— Он сын одного невероятно богатого чувака отсюда, из Бостона. Летом, во время поездки на Ибицу, он переспал с женой влиятельного политика Испании. Потому отец вернул парня домой, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, — объясняет Кара.

«М-да».

— Похоже, славный малый.

— Не беспокойся, мы пойдем не ради него. Мы пойдем веселиться, пить и отлично проводить время!

— Хорошо. — Я покоряюсь ей, скрещивая руки на груди. — Тогда научи меня, как отлично проводить время.

— Для начала я сделаю тебе макияж.

Я киваю.

— По рукам. Но только после того, как мы разберемся со всем этим. — Я указываю на дюжину коробок, составленных перед нами в гостиной.

Мы с Карой долго таращимся на объем работы, с которой нам предстоит справиться прежде, чем доберемся до вечеринки. Как минимум две трети коробок нужно еще распаковать. Меня озадачивает то, что мы прозанимались этим все утро и почти никуда не продвинулись.

— Я забираю вещи обратно и возвращаюсь в общежитие, — тихо сообщаю я.

— Только попробуй. — Кара игриво пихает меня, и я невольно смеюсь.

Вечеринка, на которую рвалась Кара, находится всего в пяти минутах езды на такси.

Мы подъезжаем к Бикон-Хилл — престижному району, о проживании в котором большинство людей может только мечтать. Я обожаю этот район, потому что он всегда напоминает мне о Рождестве: вымощенные камнем дорожки, кирпичные таунхаусы и мигающие огни на колониальных фонарных столбах заставляют чувствовать меня так, будто я оказалась в романтической комедии.

Вечеринка проходит на третьем этаже таунхауса, который будто бы кричит: *«Ты никогда не сможешь меня себе позволить»*. На лестничной площадке выстроилась огромная очередь тусовщиков, которые с нетерпением ожидают, когда их впустят внутрь. У большинства зажаты в руках красные пластиковые стаканчики, а несколько уже смятых скатываются вниз по ступенькам, когда все больше людей скрываются в главном зале. Я дергаю Кару за руку.

— Только посмотри на эту толпу, мы точно не попадем внутрь.

— Не волнуйся. Попадем. Я знаю одного парня.

Кара проталкивает нас выше и выше, пока мы не добираемся до входной двери. Там она обращается к высокому здоровенному вышибале и бормочет ему

пару слов, которые я не могу разобрать. Он бегло оглядывает нас и кивает на дверь, отступая в сторону и пропуская нас внутрь.

«Вау, это было просто». Мне действительно нужно почаще выбираться в свет вместе с Карой. Похоже, у нее везде есть связи.

Центральный зал битком набит студентами. Здесь почти не протолкнуться; и, когда я оказалась в этом тесном пространстве, по моей груди тут же расплозлось нервное, тревожное ощущение. Музыка в стиле тек-хаус разносится по всей комнате, а это — в сочетании с бесконечными, перекрикивающими друг друга голосами и разговорами — означает, что я едва ли слышу свой собственный голос. В толпе замечаю знакомые лица, некоторые из которых были моими однокурсниками, но они вряд ли знают меня, потому что у меня нет привычки с кем-то разговаривать во время занятий. Вместо этого я предпочитаю сливаться со своим местом в единое целое, насколько это возможно. Мое тело сталкивается с другими, пока Кара продолжает тянуть меня сквозь толпу людей, отчего я чувствую себя неловко.

Мы в конце концов протискиваемся к месту, где почти никого нет, и оказываемся в углу гостиной, которая превратилась в полноценный бар. Хозяин вечеринки действительно не пожалел денег. Хотя, будь я настолько богата, сделала бы точно так же.

— Я скоро вернусь! — кричит мне Кара. Но звучит как шепот среди какофонии звуков.

— Ты бросаешь меня? — Я не могу побороть беспомощные нотки, проскочившие в моем голосе.

— Я быстро. Нужно кое с кем поздороваться. — Она сжимает мою руку. — Меня не будет пять минут! Максимум. Обещаю!

— Хорошо, давай! — отвечаю я, подталкивая ее вперед. Мне, вероятно, следует выбраться из-под ее крыла и покинуть родовое гнездышко.

Мне почти стыдно за это, ведь я уже на втором курсе колледжа, а Кара до сих пор мой единственный друг. И, строго говоря, она даже не считается, потому что эту дружбу я завязала не в колледже, а задолго до него.

Я такая неудачница.

За барной стойкой расположены два окна во всю стену, распахнутых настежь, что позволяет полуночному ветерку проникать внутрь. Из квартиры открывается потрясающий вид на реку Чарльз, водная гладь которой блестит под шелковой дымкой лунного сияния. Это единственное, что здесь способно успокоить меня.

И хотя мне кажется, что большая часть моей жизни уже распланирована, я не могу отделаться от мысли, словно все должно было сложиться иначе. В детстве я разработала целый путеводитель к успешной жизни, который включает в себя степень в области архитектуры, чтобы однажды занять пост генерального директора компании моих родителей «Вудс энд Ко». Они являются одними из крупнейших подрядчиков недвижимости во всем штате Массачусетс. Родители внесли значительный вклад в благоустройство бостонского пейзажа, поэтому всякий раз, когда я смотрю в сторону реки Чарльз, во мне разгорается гордость. Мама и папа с юных лет готовили меня к тому, что после их ухода на пенсию я возглавлю компанию, и мне очень хочется оправдать их ожидания. Думаю, именно поэтому я так усердно училась в прошлом году, чтобы обеспечить себе хороший задел на будущее.

В этот самый момент меня с силой отодвигает в сторону особь мужского пола. Из-за темноты я не могу разглядеть его лица, только то, как он перегибается через стойку, чтобы выкрикнуть заказ бармену, показывая два пальца, в то время как его внимание полностью приковано к великолепной рыжеволосой девушке, почти вплотную стоящей справа.

— Никогда раньше не пробовала «Белый русский», — бормочет она с сильным египетским акцентом, пока ее пальцы обольстительно скользят по груди мужчины. —

Но и американского плейбоя, кстати, тоже. Но я чувствую, что твой вкус мне понравится.

Когда он усмехается, потолочные стробоскопы на секунду освещают его лицо, но этого хватает, чтобы я узнала его.

Все мое тело напрягается.

Нет.

Нет, нет, нет, нет, нет, нет. Этого не может быть.

Только не *он*.

Я наклоняюсь, чтобы получше его рассмотреть.

Вот черт, я *не* ошиблась.

Его светлые волосы беспорядочными волнами спадают на лицо, отбрасывая тени на его голубые глаза, обрамленные длинными густыми ресницами. Те же самые скулы, широкие и хорошо очерченные. Легкая щетина, которой раньше не было, оттеняет волевой изгиб его челюсти.

Бицепсы выпирают под белой классической рубашкой, которая надета на нем, что привлекает внимание других девушек на танцполе. Они перешептываются между собой и хихикают, вероятно, думая о том, как избавиться от рыжеволосой, чтобы получить свою порцию общения с ним. Не могу их винить: он невероятно красивый мужчина.

Жаль, что внутри его полно дерьма.

Да уж. Мне нужно уйти. *Сейчас же.*

Если бы я только знала — *боже*, если бы я только знала, что перевелся именно *он*, что это *его* вечеринка...

Я поворачиваю голову в противоположном направлении и медленно пытаюсь отойти от него хотя бы на дюйм, но рыжеволосая продолжает подталкивать его ко мне.

«*Я для них что, стена?*»

Не буду врать, мне бы хотелось превратиться в нее прямо сейчас.

Его спина прижимается к моей, и я глупо задерживаю дыхание, чтобы проверить, смогу ли задохнуться и упасть замертво прямо на месте. По крайней мере,

в этом маловероятном сценарии, — если он действительно случится, — я умру, зная, что мне не придется разговаривать с этим человеком.

— Ну, лучше пей до дна, детка, потому что «Белый русский» не единственное, что не даст тебе спать всю ночь, — рычит он рыженькой, его глубокий голос раздражает мою нервную систему. Бармен ставит перед ними два бокала с мартини, но никто из них не обращает внимания на напитки. Рыжая кокетливо смеется и притягивает мужчину к себе, впиваясь в его губы голодным поцелуем.

И-и-и-и-и это отличный момент, чтобы свалить.

Но когда я пытаюсь незаметно ускользнуть, он притягивает ее к своему телу, и они уже собираются прислониться ко мне, как мужчина чувствует, что «стена» куда-то подевалась, а буквально через несколько секунд...

...он и его спутница валяются на пол.

Толпа на пару мгновений замолкает, стараясь осознать, что происходит, пока парочка пытается подняться на ноги.

— Что за х?.. — По его лицу пробегает замешательство.

Я пытаюсь отвернуться, что совершенно бесполезно, потому что меня буквально поймали на месте преступления. Быстро исчезнуть все-таки не получилось, и я практически ощущаю, как его презрительный и полный узнавания взгляд испепеляет мое тело.

— Ты. — Он одаривает меня самым мерзким угрюмым взглядом, который я когда-либо видела.

Набравшись храбрости, я медленно оборачиваюсь.

— Эм... — Я запинаюсь. — Чо как, приятель?

Бог ты мой. Я вообще слышу себя?

«Чо как, приятель? Серьезно? Это лучшее, на что ты способна, Алекс?»

Он поднимается с пола и начинает приближаться ко мне, пока гнев вытекает из него весьма осязаемыми волнами.

— Ты та девица из ресторана. *Стерва*. — Его голос буквально сочится неприкрытой желчью.

— *Что, прости?* — Я абсолютно растеряна. — Как ты меня только что назвал?

Вместо ответа на мой вопрос он смеется.

— Ты слышала меня. *Стерва*-официантка, которая от скуки решила поиграть в героя, чтобы не чувствовать себя пустым местом.

Как он *посмел* так сказать! Когда его вины было не меньше моей.

— Иди к черту. — Я усмехаюсь, а когда остатки самообладания рушатся, хватаю его мартини со стола и выплескиваю нахалу в лицо.

И тут же бросаюсь напрямиком к выходу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два года назад

— **В**ы бронировали столик, сэр?

Я нахожусь за стойкой хостес, а мои пальцы зависли над клавиатурой компьютера. Немного натянуто улыбаюсь стоящему передо мной мужчине и стараюсь выглядеть максимально естественно. Натянуть маску дружелюбия, чтобы поприветствовать гостей ресторана, как правило, не составляет труда. Но этот человек, очевидно, исключение.

Бдительный менеджер, стоящий в нескольких футах от меня и приветствующий гостей, — единственное, что заставляет меня вести себя наилучшим образом. До меня доносятся тихие разговоры людей, отдыхающих в своих кабинках, и звон винных бокалов, и я ничего так сильно не хочу, как обслужить любого другого гостя, но только не его.

Я наблюдаю за мужчиной, что стоит передо мной. На нем как обычно идеально скроенный костюм — на этот раз темно-синего цвета, а не черного, который он носил большую часть времени. Его светлые волосы разделены на прямой пробор и зачесаны назад, оставляя несколько прядей спадать на лоб, чтобы придать ему образ молодого Брэда Питта, известного как «Я стараюсь всем понравиться, но не сильно». Хотя я почти

уверена, что он провел не меньше часа, укладывая волосы, прежде чем приехал сюда.

Словно по сигналу, уголки губ мужчины приподнимаются, один из них дергается быстрее, демонстрируя фирменную улыбочку, перед которой женщины любят преклоняться. Однако улыбка направлена не на меня, а на привлекательную девушку, которая прижимается к его боку. Мужчина ладонью скользит за спину своей спутницы, спускается по ее позвоночнику вниз, вдоль талии и останавливается на заднице.

Истинный джентльмен, как я погляжу.

Физически невозможно бороться с раздражением, отображающимся на моем лице.

Когда он заговаривает, его голос низкий и ровный, но взгляда от своей спутницы он не отрывает:

— Да. Столик на имя Дэниела Кэррингтона.

Конечно же, бронь имеется. Она была на одно и то же имя каждый раз, когда он посещал этот ресторан. Не понимаю, почему он так зациклен на том, чтобы вести себя по-идиотски.

— Дэниел Кэррингтон, — повторяю я, притворяясь, что печатаю.

Пальцами слегка касаюсь клавиатуры, просто чтобы заставить их подумать, что я проверяю наличие брони. Но мне даже стараться не нужно, я и так знаю, что она есть.

Каждую субботу после обеда он звонит в «Бэйзил Китчен», чтобы забронировать столик на двоих на семь часов вечера. Он всегда просит угловую кабинку прямо у окна — самое лучшее место во всем ресторане, по моему мнению. Меня тревожит то, что он уже на протяжении полутора месяцев занимает один и тот же столик, из-за чего другие завсегдатаи заведения действительно недовольны.

Но я ничего не могу с этим поделать. Парень, которому принадлежит ресторан, ведет какие-то дела с отцом Дэниела, Гарри Кэррингтоном, поэтому мы

следуем строгому приказу — окружить отпрыска Гарри тошнотворно исключительным обслуживанием.

Я несколько раз щелкаю мышкой, делая вид, что просматриваю нашу базу данных в поисках его имени.

— Ах да, Дэниел Кэррингтон. Столик на двоих.

Конечно же, он в курсе, что я его прекрасно знаю. Я работаю полную смену в «Бэйзил Китчен» уже целое лето, и мое лицо — первое, что он видит, заходя в ресторан. Либо он слишком глуп и не узнает меня, либо рассчитывает на мое молчание.

Судя по всему, мы оба любим носить маски.

Я просто удивлена, что он не узнал меня. Не только из-за «Бэйзил Китчен», но и из-за нашей с ним давней истории.

Я знаю о Дэниеле Кэррингтоне и его семейном бизнесе с тех пор, как научилась понимать сложносочиненные предложения. Мои мама и папа не самые большие поклонники предприятия Кэррингтонов. Они являются крупнейшими застройщиками во всем Массачусетсе, а на их счету не менее половины роскошных жилых комплексов Бостона. Если в Бостоне появляется новый перспективный район, который подвергается реконструкции, за этим, скорее всего, стоит «Кэррингтон Энтерпрайзес». Это делает их одной из самых богатых семей в этом городе, а возможно, и во всем штате.

Гарри Кэррингтон даже украсил страницу «Форбс» в прошлом году, заняв семьдесят шестое место в списке «400 богатейших американцев». Не так уж и плохо, хотя он ясно дал понять всем журналистам, что планирует превратить эту цифру в однозначное число в ближайшие пять лет.

Очень амбициозный человек, пусть и придурок.

А мой отец неизменно его презирает.

В прошлом у «Вудс энд Ко» были непростые отношения с «Кэррингтон Энтерпрайзес». Мне было пять лет, когда они вместе начали работать над масштабным проектом, но где-то на полпути все пошло под откос, потому что Гарри захотел использовать более дешевые

строительные материалы, дабы сократить расходы. Мой отец упорно отказывался экономить на качестве, и тогда Гарри увидел в нем помеху для проекта, избавившись в итоге от «Вудс энд Ко».

Из-за этого компания родителей потеряла большую часть своего дохода, но мой отец держался за свои принципы добросовестности и честности до последнего. Он действительно хотел, чтобы эти ценности укоренились в самом ядре компании.

С тех пор «Вудс энд Ко» не участвовала ни в одном проекте с компанией Гарри, но из-за общей сферы деятельности избегать друг друга они были не в состоянии. Я множество раз посещала отраслевые выставки и конференции вместе с родителями, которые также бывал и Гарри; своими собственными глазами видела, как обе стороны натягивали фальшивые улыбки и притворялись, что не ненавидят друг друга до глубины души, пока болтали о будущем земельной собственности Бостона.

Иногда на этих выставках я замечала Дэниела. Он же никогда не обращал внимания на меня, — совсем как сейчас, — а только крутился вокруг деловых партнеров своего отца, которые были более чем счастливы развлекать его в течение всего дня, просто чтобы расположить к себе Гарри.

Он сильно изменился с того времени. Конечно, я уже много лет не посещала подобные мероприятия вместе с родителями, так что у нас давно не выдавалось случая пересечься. Последний раз, когда я видела Дэниела, ему было лет пятнадцать или шестнадцать — еще совсем мальчишка с растрепанными золотистыми волосами и нестерпимо мечтательными голубыми глазами. Уже тогда все знали, что он вырастет в поразительно красивого и обаятельного мужчину.

Я замечаю, как спутница Дэниела смотрит на него: земля развернется под ее ногами быстрее, чем ей в голову придет отвести от него взгляд.